

Ностальжи

Рецитал Хворостовского в Москве

Он начал издаleка — с Генделя, с Глюка, и народ не сразу разглядел свое божество в том чопорном аристократе, который вышел на сцену БЗК. Хворостовский — Ксеркс, Хворостовский — Парис — этакую метаморфозу не ждали. И он в ней не убедил. Ясно, что видит идеал, что точно знает, как поют старинный слуг, но на практике — еще школяр, в исполнении которого мешались плюсы (хорошая кантилена) с минусами (шумное дыхание, легкая пестрота звуковедения). До барочной инструментальности — не близко, до оердда отечественного меломана — совсем далеко, что и подтвердил зал, поначалу с холодной принявшей кумира. Зачем ему эти музейные редкости, которые сахар-рафинад только для куклы (в мировом масштабе) гурмане? Есть ответ. В последнее время Хворостовский потонул к новейшей музыке, к авангардной режиссуре. А откуда прокрасаает музыкальная современность, известно. Шерше барочное искусство.

Потом Хворостовский раскинул на сцене силки, в которые безоговорочно уваливаются тысячи влюбленных поклонниц — Моцарт, "Дон Жуан", оперетта, шампанское, и к нему на сей раз невинный анекдот. Он был придуман канадцами, снявшими фильм "Дон Жуан" с Хворостовским одновременно в двух ипостасях — казановы и его слуги. Теперь анекдот прозвучал в Москве. Послекусне — хотелось вокала, но предлагалась игра, хотелось басового "меса", но где ж его взять? На своем, жуановском месте Хворостовский выглядел куда лучше. Но и тут лоску недобрал, демонстрируя выстреливающие ноты, "таканье" в виртуозных пассажах и усталость голоса. С этим публика и ушла на перерыв. После которого

Д.Хворостовский

наступил кардинальный перелом.

Во-первых, партнер звезды — Камерный оркестр Константина Орбеляна был доукомплектован музыкантами РНО. Вялая энергетика орбеляновцев была помножена на могучую харизму сливаковцев, и с этого момента, наконец, стало возможным говорить о более или менее равноценном партнерстве. Во-вторых, Хворостовский взлетел на любимого коня, и чем дальше углублялся в вердиевский мир, тем больше набирал силу. Его Макбет еще не являл всей своей мощи. Его Ренато еще спотыкался — там нечисто, здесь некачественная филаровка. Но его Стансар из "Стиффлю" был высочен что твой Давид — свобода, гармония, скульптурный вокал, масштабность образа. Зал неистовствовал. Но это был еще не апофеоз. Совершенное слияние

певца и народа случилось в песне. Не в тех двух неаполитанских ("Катарин", "Скажите, девушки"), которые он исполнил с абсолютно русской страстью, да что там — чуть ли не по Достоевскому. Здесь он только намекнул: я ваш. Нет, наш он стал в конце, когда на бис спел "Ах ты, ноченька". Спел почти так, как много лет назад в КЗЧ, когда только отправлялся на покорение мира. Эта "Ноченька", исполненная вполголоса, с потаенной страстью и открытой тоской, "Ноченька", рождающая ностальгическую печаль и мороз по коже, и исторгла в итоге из зрительских душ: "Родной ты наш!" А это дорогого стоит.

Лориса ДОЛГАЧЕВА

Фото
Евгения БУРМИСТРОВА